

сх
А 12

АНТИФАШИСТСКИЕ ПЬЕСЫ

« ИСКУССТВО »

A 72

Токх
А723 (А)

АБОНЕМЕНТ
ЛГТБ

АНТИФАШИСТСКИЕ ПЬЕСЫ

Име. N 104429.
10848

В. КАВЕРИН
ВНИМАНИЕ!
ГОВОРИТ МОРЕЛЬ.

В. БЕЛЯЕВ
М. РОЗЕНБЕРГ
У СТАРОЙ НЯНИ

Е. ФЕЛЬДМАН
ВСТАВАЙ, НАРОД!

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
ЛЕНИНГРАДСКОГО ТЕАТРА
Б. М. МОТОВА
ИМЕНИ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

1 9 4 1

Государственное издательство
„ИСКУССТВО“
Ленинград • Москва

к

ПРОЛОГ

Уже пошел занавес, когда сбоку появляется Ведущий

Ведущий. Постойте! Занавес на время опустите.

Товарищи — бригада! Все сюда!

Занавес опустился. Все вышли.

Спектакль мы свой начнем — и вы, поняв,
простите, —

На этот раз иначе, чем всегда.

Театр — еще не жизнь. Актеры — только тени.

Эффекты драматург берет из головы.

Поговорим сперва о той великой сцене,

Где мы — лишь публика. Где действуете — вы,

Где солнце полымем играет на знаменах,

Где подлинная страсть и подлинная боль.

Где каждому из вас, бойцов краснознаменных,

Досталась героическая роль.

История такой еще не знала пьесы!

Ваш первый акт — Война. Последний акт — Победа.

И мы вам аплодируем вперед!

Границ незыблемых посты сторожевые

От козней вражеских проверенный заслон:

Вам, Ленинских идей носители живые,

Вам, Сталинских знамен бойцы передовые,

Вам, побеждать которым не впервые, —

Наш пламенный привет и низкий наш поклон!

Выход конференсье, объявляющего программу, действующих лиц.

В. Каверин

ВНИМАНИЕ! ГОВОРИТ МОРЕЛЬ.

Пьеса в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Майор Вальтер.

Жанна — диктор радиостанции.

Луи Морель, он же Луи Корбо, — студент.

Наши дни. Радиостудия одной из парижских станций.
Жанна и Майор.

Майор. Кто этот артист, который будет сегодня выступать, фрейлейн?

Жанна. Как, вы не знаете Луи Корбо?

Майор. Нет, фрейлейн.

Жанна. Это один из лучших наших артистов. Его знает весь мир.

Майор. В самом деле? Вот видите, фрейлейн, лучшие люди Франции начинают понимать, что мы пришли к вам, как друзья.

Жанна. Сегодня на площади Согласия маршировали ваши солдаты. Они пели: „Французы — дикие свиньи. А мы их заколем, заколем. Мы умеем коптить окорока!“

Майор. О, фрейлейн, это просто солдатская песня. Теперь мы вместе с вами будем коптить окорока, только из другого мяса. Жаль, чорт возьми, что я уже вышел из игры. Что делать!

Жанна. Вы больны?

Майор. Немного.

Жанна. Что с вами?

Майор. Глаза отказываются служить, фрейлейн. Куда ни взгляну, повсюду мерещатся какие-то красные пятна. Вот и сейчас, когда я говорю с вами. К сожалению, я видел слишком много мертвых, фрейлейн. Ничего не поделаешь. Мы, немцы, взяли на себя большую задачу — во всем мире устроить новый порядок. Так сказал Гитлер, наш вождь. Впрочем, он же сказал, что солдат не должен заниматься политикой. Поговорим поэтому о чем-нибудь другом, более веселом. (*Смотрит на нее.*) Право, вы самая серьезная девушка из всех, которых я встречал в своей жизни. Если вы еще не замужем, улыбнитесь, фрейлейн!

Жанна. Не называйте меня фрейлейн, майор.

Майор. В самом деле? Я полагал, что вам это только приятно.

Жанна. Я не знаю ни одной француженки, которой это приятно.

Пауза.

Майор. Чорт возьми! Вы забыли, что с вами говорит офицер германской армии.

Телефонный звонок. Жанна снимает трубку, он вырывает трубку из ее рук.

Вы больше не служите здесь! Вон! (*Швыряет трубку, телефон звонит.*) Я слушаю. Хорошо. Пусть он идет сюда. (*Жанне.*) Вы объявите выступление Корбо и вон! Нет, сейчас! Вы уйдете сейчас же, сию минуту!

Входит Корбо. Это высокий, красивый человек, с седой шевелюрой.

Корбо *(холодно)*. Прошу прощения.

Майор *(закрывая глаза ладонью)*. Я не вижу, кто это?

Корбо. Мое имя Луи Корбо.

Майор. Садитесь. Ваше выступление через двенадцать минут. Вы будете читать рассказ писателя Шарлюса, за который я заплатил ему двести франков. Постарайтесь, поэтому, прочитать его хорошо, то-есть с выражением. Перед рассказом вы произнесете вот это. *(Протягивает ему лист бумаги.)*

Корбо *(читает)*. „Весна 1941 года — самая счастливая весна в моей жизни. Для Франции, которая долго томилась под гнетом жадных и бездарных правителей, наступила новая эра. Германская мысль и германская воля прочно утвердились на континенте Европы. Обширные задачи, которые возникли перед объединенной Европой в связи с войной против русских дикарей, должны быть решены быстро и радикально. Вот почему от имени французского искусства я от всей души приветствую войну, которую мы объявили России“. *(Дочитывает бормоча.)*... Значит, это прочитать перед моим выступлением?

Майор. Да.

Корбо. Очень хорошо.

Майор *(успокаиваясь)*. Я очень рад, что лучшие люди Франции наконец поняли нас, немцев. Вы не находите, господин Корбо, что до Адольфа Гитлера в мире все-таки был ужасный беспорядок?

Корбо. Пожалуй. Но не кажется ли вам, майор, что в этом воззвании нехватает одного слова? Вот здесь: „Германская мысль и германская воля прочно утвердились...“ и т. д. Следовало бы так: „Германская мысль, германская воля, германская культура прочно утвердились...“ и т. д.

Майор. О, культура! *(Смеется.)* Когда я слышу это слово, я кладу палец на курок моего револьвера. Нет, пусть остается так. *(Телефон.)* Я слушаю. Хорошо, сейчас иду. *(К Корбо.)* Ба, теперь я вас вспомнил! Вы снимались в какой-то кинокартине. *(Жанне.)* Вы объявите выступление и придете ко мне. *(Выходит.)*

Пауза.

Жанна *(немного дрожащим голосом)*. Очень хорошо. Полное сходство.

Корбо-Морель. Да, но, чорт, у меня стянуло лоб от клея. И все время кажется, что этот проклятый парик лезет на затылок. И этот нос! *(Трогает себя за нос.)*

Жанна. Еще девять минут.

Морель. Все готово?

Жанна. Да. Анри будет ждать с машиной. Мы выйдем через эту дверь. *(Показывает.)* Это запасной выход. На случай пожара. Все будет прекрасно.

Морель. Восемь минут. *(Обнимает ее.)* На всякий случай. *(Остонавливается.)* А Корбо? Ты ему звонила?

Жанна. Да. Я сказала, что его выступление откладывается.

Морель. Чорт, как стянуло лоб! Никогда в жизни я не стал бы актером. Семь минут.

Жанна. У тебя спешат часы — шесть с половиной.

Морель. О, это нужно исправить. Полминуты! Для нас с тобой — это целая вечность. *(Пауза.)* Жанна, дай мне руку. Вчера я был в Руане. Ты ведь знаешь — это мой родной город. Мне хотелось проститься. Я его не нашел. Вдоль дороги стоят шесты с кепками, детскими шапочками — братские могилы. И этот запах! Все бегут. Только одна женщина не уходит — бродит среди развалин и зовет мертвых детей. А мальчишка поет прямо в лицо немецкому офицеру: „Врешь, врешь, ты скоро отсюда уйдешь!“

Жанна. Пять минут. Я видела, как они входили в Париж. Рядом со мной стояла мать с маленьким ребенком. Она закрыла ему глаза и сказала мне: „Только чтобы он не видел“.

Морель. Вчера из „Кафе Даркур“ выкинули немецкого офицера, который оскорбил девушку. Другого мерзавца выловили из Сены. Нет, эта штука, которую мы придумали, придется очень кстати. Пусть старая сволочь, Петен, знает, что еще жива свободная Франция! Четыре минуты. Где твой револьвер? *(Жанна показывает револьвер)* А я запасся еще и этим. *(Вынимает нож.)* Ты волнуешься?

Жанна. За тебя.

Морель. Послушай, а нельзя снять парик? Ведь сюда никто не войдет?

Жанна. Нельзя. Тебе легче убежать в гриме. Где твоя речь?

Морель. Вот она. *(Читает сперва про себя, потом все громче.)* „Французские солдаты! Господа, проживающие в городе Виши и говоря-

щие от имени французского народа, посылают вас против Советской России..."

Майор бесшумно входит и останавливается в дверях.

Морель (*все громче*). "...Против страны, которая в течение двадцати четырех лет предлагала мир всему миру..."

Майор. Дальше.

Жанна и Морель оборачиваются.

Жанна. Извините, майор. Господин Корбо показывает мне отрывки из своей новой роли. Он играет коммуниста в пьесе, которая на днях выйдет в Комеди-Франсез.

Майор (*вынимает револьвер*). Спокойно! На месте! Поднимите руки!

Жанна (*смеясь, идет к нему*). Полно, майор, что за шутки!

Он бьет ее по голове рукояткой револьвера. В ту же минуту Морель ударяет его ножом. Борьба. Майор падает. В борьбе с Морелем слетает парик — открывается молодое лицо.

Жанна (*с трудом*). Двери!

Морель (*бросается к дверям, запирает их, бежит к Жанне*). Ты ранена?

Жанна. Пора. Я включаю микрофон. Встань вот сюда. Так тебе будет удобнее. Внимание! Зеленая надпись "Не входить" зажигается над дверьми.

Морель. "Французские солдаты! Господа, проживающие в Виши и говорящие от имени французского народа, посылают вас против Советской России..." (*Шопотом.*) Ты ранена, Жанна?

Жанна. Продолжай.

Морель. "...Против страны, которая в течение двадцати четырех лет предлагала мир всему

миру. Палач мечется по Европе, ища спасения среди своих побед. Он забыл, что перед ним не несчастная обманутая Франция, а страна, которая защищает свою революцию, свою свободу. Но есть на свете только один человек подлее палача — это его лакей! Французы! Кто сделал вас лакеями палача!..“ (*Шопотом.*) Жанна, Жанна, что с тобой?

Жанна. Продолжай.

Морель. „...Оглянитесь на свои дома, уничтоженные фашистскими бомбами! Вспомните своих мертвых детей!“

В дверь стучат.

Жанна. Скорее...

Морель. „Да будет проклят тот француз, который поднимет свое оружие против русских, спасающих Европу и весь мир от голода, варварства и безумия!“

Жанна. Беги...

Морель. Еще два слова. „Внимание! Это говорит студент Луи Морель. Я не скрываю своего имени, потому что не боюсь вас, фашистские людоеды. Да здравствует свободная Франция! Да здравствует Советская Россия!“

Жанна. Беги, Луи...

Морель. А ты?

Жанна. Мне не уйти. Ты видишь.

Морель. Нет, ты уйдешь! Без тебя я буду скучать, Жаннет, на том и на этом свете! (*Подхватывает ее.*) Вот так. А теперь вперед! Вперед, Жаннет! Мы еще им покажем!

Открывает запасной выход. На темном прямоугольнике двери еще мгновение видна его высокая фигура. Он держит Жанну на руках. Обернувшись, он с порога выстрелом гасит свет. Темнота. Занавес.

Владимир Беляев, Михаил Розенберг

У СТАРОЙ НЯНИ

Пьеса в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Прасковья Степановна Малыхина (тетя Паша), домашняя хозяйка, в прошлом нянька и кормилица в семье Шульц.

Миша, ее внук, мальчик лет 14.

Вильгельм Густавович Шульц, он же Вилли, офицер германской разведки, жил в России, 32 лет.

Милиционер.

Соседи по коммунальной квартире.

Действие происходит в Ленинграде, в наши дни.

Небольшая комната в деревянном доме, на окраине Ленинграда. В глубине комнаты дверь в коридор. Справа занавеска, отделяющая одну треть комнаты. Там, за занавеской, живет тетя Паша. Виднеются ее постель, полки с посудой, буфетик. Слева от двери, к задней стенке, приставлена кровать, на которой в начале действия спит Миша. К его изголовью примыкает низенький комод, заставленный безделушками. Над ним овальное зеркало, полочка. Посередине комнаты круглый семейный стол. Над столом висячая лампа под абажуром. В левой стенке комнаты, противоположной занавеске, окно, заклеенное полосками бумаги. Над окном приколочено заменяющее штору, подтянутое кверху, старое одеяло.

В комнате полутемно, только свет белой ночи проникает в окно. Тетя Паша собирается спать. Она подошла к репродуктору, отбивающему секунды, слегка приглушила его, затем посмотрела на внука. Поправляет сбившуюся простыню. Подошла к окну, глянула на улицу: тихо, только издали, мерно постукивая колесами, приближается поезд.

Тетя Паша закрыла окно, размотала веревочку — сразу упало одеяло, и в комнате стало совсем темно. Слышно, как тетя Паша прошла за занавеску, зажгла у себя свет. Основная часть комнаты в полумраке, и вдруг — осторожный звонок.

Тетя Паша (*про себя*). Никак на дежурство звать пришли. А ведь очередь моя утром. (*Качнула недоуменно головой, пошла открывать*).

За стеной слышны голоса: „Кто там?“. — „Гражданка Малаыхина дома?“. — „Дома“. — „Тетя Паша, еще не спишь?“. — „Не спю. А вы кто ж будете?“. — „Да это я, — Вилли“. — „Вилли? Виллинька?..“. Звук открывающегося замка, потом шаги приближаются, и слышен радостный, оживленный голос тети Паши.

Тетя Паша. Откуда же ты, Вилли? Вот не ждала! Ну, прямо как с неба гость.

В комнату входит тетя Паша, включает свет, и мы видим рослого мужчину в темном костюме, в рубашке „апаш“. Позже, когда вошедший поворачивается к нам спиной, мы видим, что у него в нескольких местах разорваны пиджак и брюки.

Когда зажгли свет, мальчик бормочет спросонья что-то невнятное, поворачивается лицом к вошедшему, полуоткрывает глаза и с удивлением, не вполне еще проснувшись, смотрит на него. Затем снова закрывает глаза, намереваясь заснуть.

Шульц. В командировку приехал, тетя Паша... В командировку. И угораздило же в такое время!.. Десять лет не был, а приехал... (*Заметил спящего мальчика*.) Это чей же такой сорванец?

Тетя Паша (*гордо*). Внук! (*С нежностью глядя на мальчика*.) Ишь, раскидался. Война, а ему горя мало.

Шульц. Неужели Марусин?

Тетя Паша. Маруськин. Помнишь ее, значит.

Шульц. Ну еще бы! Молочная сестра. Обоих ты ведь нас вскормила. (*Нежно обнимая старуху.*) А где же она сама, — Маруся?

Тетя Паша. Паровоз водит... Муж на фронте, с германцем бьется, а она за него. Только раз ее и видели с той поры, как война началась.

Шульц (*участливо*). Одни, значит, остались?

Тетя Паша. Одни.
Гудок и грохот проходящего мимо, созсем близко, поезда.

Шульц. А беспокойно вам здесь теперь?.. Поезда, небось, то и дело бегают.

Тетя Паша. Да, оно, конечно, поживей стало. (*Спохватившись.*) Что же ты стоишь, Виллинька? Сядь, сядь. Измучился, наверно, доро́гой. (*Придвигает гостю стул.*)

Шульц. Не говори, тетя Паша. Да, главное, думал — приеду, в гостиницу попаду, отдохну как следует; но, увы, гостиницы все заняты, номеров свободных нет.

Тетя Паша. А зачем тебе гостиница? Фу ты какой! Если хочешь — оставайся у нас.

Шульц. Спасибо, тетя Паша. Я и сам, признаться, думал: отдохну до утра, а там видно будет. Еще не знаю, как все обернется. Дела много. Командировка у меня ответственная, военная. Поскорей бы справиться, да обратно в Свердловск. (*Поспешно.*) У меня к тебе большая просьба, нянюшка. Прости ты меня, грешного, приведи меня в порядок. (*Показывает тете Паше разорванный рукав и брюки, едва*

поддерживаемые парой французских булавок.)
А то я совсем ободрался.

Тетя Паша. Я и то смотрю... Где же это так тебя угораздило?

Шульц. В дороге, нянюшка. Выехал, понимаешь, честь-честью, в мягком вагоне. А пока добрался — всего попробовал. Последний перегон от Малой Вишеры, не поверишь, на лестнице ехал, между вагонами. Задремал, зацепился за крюк — и вот... Спасибо еще под колеса не угодил.

Тетя Паша. Скажи на милость! Бедный ты мой! *(Охотно.)* Ну, снимай, снимай, разоблачайся. Я тебе живо все сделаю.

Шульц. Вот спасибо. А что бы мне пока на себя набросить?

Не двигаясь на постели, Миша внимательно следит за гостем.

Тетя Паша *(оглядываясь)*. Сейчас придумаем. *(Подошла к шкафику, достала оттуда одежду, говорит.)* Да вот, от зятя спецовка осталась. Не побрезгуешь? Она чистая, недавно выстирала ее.

Тетя Паша протягивает гостю темные брюки и такую же форменную железнодорожную куртку. Тот, с трулом скрывая радость, хватает спецовку и даже прикидывает, как она ему подойдет.

Шульц. Да что же, нянечка? Чем же тут брезговать? Все прекрасно, да и в самый раз. *(Смущенно.)* Может быть, ты выйдешь на минутку, а я переоденусь.

Тетя Паша *(добродушно)*. Застеснялся! Не видела я тебя, сама не одевала.

Шульц. Да нет, нянечка, но...

Тетя Паша. Ладно, ладно, переодевайся, а я пойду, чай поставлю.

Уходит за занавеску. Шульц провожает ее нетерпеливым взглядом, потом прислушивается и, услышав невнятное дребезжание посуды, успокаивается. Он подходит к мальчику и подозрительно вглядывается в его лицо. Миша успел закрыть глаза и искусно притворяется спящим. Шульц подходит к окну и, запрятав голову под одеяло, выглядывает на улицу. Видимо, окончательно успокоившись, бросив еще один быстрый взгляд на мальчика, он начинает поспешно вытаскивать из кармана револьвер, документы, охотничий нож и какие-то маленькие предметы, завернутые в бумагу. Быстро переодевается. Костюм пришелся ему как по мерке. Запрятав в карманы спецовки часть вещей, Шульц з мечает на комодѐ форменную фуражку железнодорожника. Он проворно надевает ее и, не удержавшись, останавливается перед зеркалом. Миша все время наблюдает за ним.

Тетя Паша (*возвращается со своей половины*). Я уж заодно и утюг поставила. Выглажу тебе все, нарядный будешь.

Шульц (*застигнутый врасплох, срывает фуражку*). Да не беспокойся особенно, тетя Паша.

Замечает оставленный на комодѐ револьвер. Секунда замешательства, смотрит на тетю Пашу — не заметила ли она. Видит, что нет и ловко, как бы невзначай, почти не глядя, накрывает револьвер фуражкой.

И так доставил тебе хлопот. (*Усаживается за стол.*)

Тетя Паша. Что ты, милый, какие хлопоты? Об чем разговор? (*Ставит чайник на стол, подвигает гостю стакан.*) Наливай-ка сам, Вилли, покрепче или послабее — не знаю, как ты теперь любишь. А ну-ка, показывай, что там у тебя? (*Берет вещи, усаживается поближе к свету и готовится их чинить.*)

Шульц. Чайку я выпью с удовольствием...
(Наливает чай.)

Пользуясь тем, что внимание гостя отвлечено, Миша осторожно протягивает к фуражке, под которой спрятан револьвер, руку, но в это мгновение гость, словно желая поглядеть на себя в зеркало, поворачивается к постели мальчика. Предупреждая его движение, Миша, быстро отдернув руку, притворяется спящим.

И вот, мирная картина: прихлебывает чай Вилли Шульц, спит мальчик, расправляет швы, перекусывая нитки и лишь изредка поглядывая на гостя, старушка.

Тетя Паша. А я-то думала — вы совсем из России уехали. Ведь, посуди сам, сколько времени — ни слуху, ни духу. (На мгновение пристально взглядывает на Шульца.)

Шульц (спокойно выдержав взгляд старухи). Нет, нянечка. Папа, верно, хотел, да мы с Ленхен отговорили его. Что нам делать в этой Германии? Так в Свердловске и остались.

Тетя Паша (одобрительно). И хорошо сделали. Густав-то Карлович человек пожилой, а вам, молодым, что там делать? Он жив, Густав-то Карлович?

Шульц (вздыхая). Умер. Вот уже скоро шесть лет.

Тетя Паша. Царство ему небесное! (Крестится.) Хороший был барин. Таких и срет русских не сыщешь. Прямо за родную меня считали.

Шульц (растроганно). Ты и была для нас родная.

Тетя Паша (передразнивая). Родная! А сам за десять лет ни разу не вспомнил. Хоть бы весточку какую прислал. Ни слова...

Откусывая нитку, старуха укоризненно посмотрела на гостя и случайно, поверх очков, взглядывает на внука. Миша не спит. Он подмигнул бабке. Тетя Паша, чуть кося, вопросительно глянула на него. Миша осторожно приподнял фуражку, лежащую на комод. Все это длилось секунду, но тетя Паша увидела револьвер. Она осталась совершенно спокойной, только взгляд ее, обращенный к гостю, который спокойно помешивает ложечкой чай, стал суше и внимательнее.

Шульц. Что ж писать? Другой раз и хотелось, — а потом думаешь: зачем?.. Знаешь, ведь, какое у нас отношение к немцам было...

Тетя Паша (*уже несколько иначе*). Какое ж такое отношение? Если ты честный человек...

Шульц. Конечно! А все-таки... Вот и сейчас... Зашел я к тебе, не удержался... А может быть — зря.

Тетя Паша (*притворяясь обиженной*). То есть как это зря?

Шульц. А если тебе от этого неприятности будут? Приютила, дескать, какого-то приезжего, — бог его знает, откуда и кто он.

Тетя Паша. Да какие могут быть неприятности? Человек ты советский, не какой-нибудь... В Ленинград приехал по командировке. Да и не видел тебя тут никто. Ведь не видел?

Шульц (*небрежно*). Нет, по-моему, нет.

Тетя Паша. Ну вот, видишь... А я, старая, болтать не буду, — чтобы беду вдруг не накликать. Разные ведь бывают люди. Понимаешь, Вилли? Лучше уж не болтать... Как ты думаешь, а?

Шульц (*равнодушно*). Как хочешь. Бояться, конечно, нечего... А все-таки время военное, береженого и бог бережет.

Тетя Паша. Я и сама так думаю. А то народ теперь стал страх какой подозрительный. Сосед у нас живет, — вот в той комнате, — милиционер...

Шульц (*невольно приподнимаясь*). Милиционер?

Тетя Паша. Ну, да, милиционер. Ты что?

Шульц. Ничего, рассказывай.

Тетя Паша. Ну так вот. Этот милиционер говорит: чуть кто на немца похож — сейчас к ним ведут. Трудно, говорит, немцам у нас свободно разгуливать... К тебе-то не приставали?

Шульц (*сухо*). А что ко мне приставать?

Тетя Паша. И то верно. Ты и на немца-то не похож. Недаром в России родился, — вид другой. (*Посмотрела на него пристально, усмехнулась.*) Ну, какой ты немец, в самом деле.

Пауза.

А кого к ним в отделение только не водят! И военных-то, и штатских... И железнодорожников — вот как ты сейчас. Конечно, больше зря: проверят все, как полагается, и отпустят. А все-таки, глядишь, как бы и впрямь какой не пролез.

Шульц. Да кто ж пролезет, подумай? Неужели ты веришь в эти сказки? (*Усмехнувшись, с горечью.*) Этак ты и меня подозревать начнешь.

Тетя Паша (*обиженно*). Господь с тобой! Тебя? Да что я тебя не знаю? Я вообще говорю...

Она как бы невзначай встает, подходит к окну и приподымает одеяло, которым затемнено окно.

Шульц. Няня, что ты делаешь? Ты хочешь, чтобы тебя арестовали?

Тетя Паша. Ах, господи, дура я старая, все привыкнуть не могу.

Поспешно отходит от окна. Шульц смотрит на нее с подозрением, но тетя Паша совершенно благодушна.

Так вот, говорю я, подкинут к нам какого-нибудь субчика, — ну там из Германии или из этой самой — из Финляндии. Скажешь, не может этого быть?

Миша, между тем, снова осторожно протягивает руку к фуражке и еще осторожнее берет из-под фуражки револьвер. Раз, два — и он ловко прячет его под простыню. Снова притворяется спящим.

Шульц (*не замечая всего этого, горячо*). Ну, подкинут. Ну, а дальше что? Куда он пойдет — чужой человек? Станет спрашивать — где, что, — ну, и пропал, и попался.

Тетя Паша. Зачем спрашивать? Другому и спрашивать не надо. Другой не хуже нас с тобой знает, где у нас что.

Шульц. Да откуда же Германии взять таких? Ты подумай, что ты говоришь!

Тетя Паша. Да мало ли откуда? Разве мало у нас в Питере, да и в других городах, немцев было? Ну, вот, хорошо, — ты, вот, не поехал в Германию, не захотел, а ведь другие-то поехали, из твоих же товарищей... Там, ведь, всякие у вас бывали. Того же Рудика взять, что на Кировной жил. Помнишь его?

Шульц (*неохотно*). Ну, помню.

Тетя Паша (*словно рассказывая сказку*). Вырос этот Рудик здесь, на русских харчах, а потом и уехал в Германию вместе с папой да мамой. Ведь уехал?

Шульц. Кажется, уехал.

Тетя Паша. Вот то-то и оно. А мало ли таких Рудиков у вас в школе немецкой учились? Что, не знает он, где Невский, где Васильевский остров, разве не может он...

Шульц вдруг расхохотался.

Ты чего?

Шульц. Нет, ничего. Я только подумал, что если б я не знал тебя лучше и если б ты меня лучше не знала, я мог бы подумать, что ты меня... Как это говорят?.. Прощупываешь... Честное слово!

Тетя Паша (*едва не перекрестившись*). Господь с тобой! И придет же такое в голову! (*Поднимается с места.*)

Шульц (*неспокойно*). Ты куда?

Тетя Паша. А вот схожу соседей побеспокою. Покормить тебя надо. Ты, небось, голоден? А я тебе постный чай подсунула. Не ждала гостя... (*Она направляется к двери.*)

Шульц (*властно*). Постой!

Тетя Паша (*разыгрывая недоумение*). Чего это ты, Виллинька? Закусочки тебе достану, водка у меня от зятя осталась. Выпьешь на сон грядущий водочки... (*Ускоряет шаги к двери.*)

Шульц (*совершенно переменившись*). Ни с места!

Тетя Паша. Да ты что? (*Решительно открывает дверь.*)

Шульц. Я говорю — ни с места!

Он протягивает руку к фуражке, под которой был спрятан револьвер, срывает фуражку, не верит своим глазам и вдруг, все поняв и обо всем забыв, в ярости кидается к мальчику.

Ах, чертенок!..

Миша. Бабушка, беги!.. Он мне ничего не сделает. У него нет...

Шульц схватил мальчика за горло. Тетя Паша выбежала из комнаты, шум в коридоре, немец сжимает горло мальчика так, что лицо последнего наливается кровью.

Шульц (*хрипит*). Где револьвер? Говори! Слышишь?! (*Еще крепче сжал горло мальчика.*)

Миша слабеет. Но вот рука его высвободилась из-под простыни, и он отдает револьвер немцу. За дверью шум. Крик тети Паши. Громкие шаги бегущих людей. Когда распаивается дверь, Шульц уже вполне готов встретить опасность. Левоу рукой он крепко прижимает, заслоняя им себя, голоу, в одних только трусиках, мальчика.

В правой руке у немца наготове револьвер.

Полуодетый милиционер со взведенным наганом и за ним несколько жильцов, ворвавшись в комнату, замерли у порога. Милиционер, оценив положение, в первый момент теряется. Он боится стрелять, чтобы не убить мальчика.

Миша (*в испуге*). Хватайте его!.. Я разрядил револьвер. Вот!.. (*Из последних сил швыряет к ногам вбежавших несколько патронов.*)

Милиционер бросается на Шульца. Тот все же нажимает гашетку револьвера, но выстрела, естественно, не происходит. Шульц пытается выстрелить еще раз, но, сообразив, что это бесполезно, кричит: „Ферфлухт!“, затем бросает револьвер, с ситой бросает под ноги бегущим мальчика, а сам кидается к окну, срывает одеяло, головой расшибает стекло, но выскочить ему не удастся—несколько рук уже схватило его.

Милиционер (*сидя верхом на немце*). Полотенце, тетя Паша.

Тетя Паша подала ему полотенце. Милиционер, с помощью других соседей, связывает немца, добродушно приговаривая.

Связать не помешает, а то-вишь какой озорной!.. Прыгать задумал! (*Подымая его и усаживая на стул.*)

Ну, садись, ваше благородие.

Пауза. Все смотрят с любопытством и ненавистью на сидящего Шульца. Миша поспешно собирает патроны.

Милиционер. Тетя Паша, дай-ка бумаги и чернил, если можно.

Тетя Паша. Мишенька!

Мальчик вскакивает и, достав с полки ученическую тетрадку, вырывает из нее чистые листы и подает их милиционеру. Милиционер усаживается за стол напротив немца. Миша, подобрав револьвер, навел дуло на немца и держит его под прицелом, как конвойный.

Милиционер. Итак, приступим. Разрешите полюбопытствовать, ваше имя?

Шульц (*усмехаясь*). Имя? Его вы легко узнаете из моих документов... Можете их взять в левом кармане.

Милиционер (*вынимая из кармана у немца паспорт и другие документы, раскрывает паспорт*). Так, ну что ж? Довольно похоже... Работка чистая. Итак, Митрофанов, Сергей Николаевич.

Тетя Паша (*не выдержав*). Да какой он Митрофанов? Он Шульц.

Милиционер (*притворно недоумевая*). Шульц? Странно!.. А тут написано...

Тетя Паша. Да мало ли что написано.. (*С негодованием*.) Сергей Николаевич! Ничего себе — Сергей! Да еще Николаевич!

Милиционер. Да кто ж он, тетя Паша? Ты скажи.

Тетя Паша. А ты спрашивай — кто, ты записывай.

Милиционер приготовился записывать.

Зовут его Шульц Вильгельм Густавович... Вот. Родился он, действительно, в России, в городе Петербурге, в тысяча девятьсот... дай бог памяти,—в тысяча девятьсот девятом... Да, в девятом.

Милиционер. Да откуда же вы все это знаете, тетя Паша?

Тетя Паша. Как не знать? Служила я у них. В няньках. Сперва кормилицей, а потом в няньках. Мамаша у них была дамочка слабая, кормить не приспособленная. Вот они меня и взяли.

Милиционер (*записывая*). Так... Интересно... Очень интересно... (*К немцу.*) Что скажете, господин Шульц?

Шульц. Я прошу об одном. Я не хочу, чтобы ваши газеты писали, что глупая старуха и мальчишка-сопляк перехитрили офицера германской армии.

Милиционер. Что делать, господин офицер! Что делать, если глупая, как вы говорите, старуха оказалась, все же, умнее офицера германской армии?

Он хочет сложить протокол, но тетя Паша останавливает его.

Тетя Паша. погоди... Ты, все-таки, запиши, что эту фашистскую сволочь я выкормила своей грудью... И, хотя случаев было

много, ни разу его не придушила. За это себя клянущ и ответ держать готова.

Милиционер *(улыбаясь)*. Ладно, ладно, тетя Паша. Учтем. *(Он встает.)*

Миша *(командует Шульцу, все так же держа его на-прицел)*. Встать!

Немец усмехается, не трогаясь с места.

Милиционер *(вежливо)*. А вы, верно, встаньте.

Немец, угрюмо посмотрев на него, встает. Милиционер обращается к Мише.

Спасибо за содействие, Миша. А теперь *(указывает на револьвер)* разрешите получить.

Миша нехотя отдает револьвер.

Милиционер становится позади немца, держа его под своим наганом, командует: „Шагом марш!“ Немец идет к двери, за ним милиционеры и соседи. Тетя Паша и Миша провожают их.

Милиционер. Спокойной ночи, тетя Паша! Простите за беспокойство.

Тетя Паша *(будничным голосом)*. Спокойной ночи!

Ефим Фельдман

ВСТАВАЙ, НАРОД!

Драматическая новелла

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тибор Крейчи — 12 лет.

Зюс Ройда — 38 лет.

Матэ Шандор — 35 лет.

Немецкий солдат.

Время действия — наши дни.

Маленький захудалый сквер на окраине Пешта. Деревья. Скамейка. Время к вечеру. Справа появляется Тибор. У него в руках курица и большой лист бумаги, свернутый в трубку. Озираясь, Тибор пробегает к скамейке, придвигает ее вплотную к дереву, взбирается, тянется к ветвям.

За сценой раздается резкий барабанный бой и топот солдатских ног. Тибор с размаху шлепается на скамью. Он испуган, хотя и старается придать своему лицу беспечное выражение. Барабанный бой приближается. Слышится заводской гудок. Мерный топот ног все ближе и ближе. Тибор, вытянув шею, вглядывается в даль. Пауза.

Тибор (*зажимая голову курице*). Тс-с-с ты! Караул меняется. И не кричи, пожалуйста. Тихонько. (*Смотрит.*) И что они каждый день караулят? Можно подумать — завод убежать хочет... (*Рассмеялся.*) Вот дураки, так это дураки! Как верблюды! (*Тихо поет.*)

Гитлер венгров полюбил,
Всех коровок подоил
И почистил закрома
До тла,
До тла...

Барабанный бой замолкает. Слышна отдаленная команда:
„Хальт!“. „Унд линкс!“.

Слева, пятясь спиной к Тибору, в скверике появляется
Зюс Ройда. Он, видимо, очень заинтересован происхо-
дящей сменой караула.

Тибор (чуть не плача). Опять этот Зюс!
Второй вечер хромой чорт тут шляется. Ну,
я не уйду! Я теперь первый все равно не уйду!
(Быстро снимает куртку, заворачивает в нее
курицу и бумагу, прячет сверток в кусты.
Усевшись с ногами на скамейку, запел-затру-
бил марш, аккомпанируя себе кулаками по жи-
воту.)

Зюс (вздвигнув от неожиданности, обо-
рачивается, улыбнулся широкой и ласковой
улыбкой). А-а-а, капитан дальнего плавания!
Здравствуй! (Подходит.) Это что? Пароход уже
в море? Ну, до чего богатый пароход...

Тибор, не умолкая, искоса поглядел на Зюса, мотнул
головой.

Зюс. Ах, виноват, виноват, это — военный
оркестр?! Ну, до чего богатый оркестр... (Са-
дится рядом.)

Тибор на секунду прервал пение, уничтожающе взглянул
на Зюса и, отодвинувшись, опять затрубил. Зюс нахму-
рился, взглянул на часы.

Пауза.

Зюс (*заигрывая, слегка толкает плечом Тибора*). Поешь, значит?

Тибор (*резко*). Пою.

Зюс. Красиво поешь.

Тибор (*запальчиво*). А тебя и не спрашивают, Зюс, как я пою. У тебя у самого голос как у козла! Ме-эээ...

Зюс (*улыбаясь*). Если говорить честно, Тибор, то — что мне больше всего нравится в твоём оркестре — это барабан. Настоящий военный барабан! (*Похлопал Тибора по животу*.)

Тибор (*вскакивая*). Не хлопай. Не твоё. Тоже мне — военный... Ты — хромой! Тебе об военном и говорить нельзя! Что ты понимаешь?

Зюс. Это ты прав, малыш. Ничего не понимаю. Да ты не сердись, Тибор. Я тебя обидел, да? Ну, на вот, домой пойдешь — купи себе леденцов... (*Сует ему монету*.)

Тибор (*мрачно*). Нет леденцов теперь.

Зюс. Ох, верно... Ну, не леденцов — чего-нибудь другого купишь. Ступай.

Тибор. Возьми обратно. (*Кладет монету Зюсу на колени*.) И сам ступай. Тебе домой давно надо?

Зюс. А тебе не надо?

Тибор молча садится на скамейку, отворачивается.

Зюс. Ох, Тибор, Тибор. Не нравятся мне твои дела здесь на бульваре.

Тибор. А мне твои не нравятся...

Зюс (*резко*). Что?! (*Схватил Тибора за шиворот, рванул со скамейки*). Что ты знаешь, свиненок?

Тибор (*как змейка вильнул, вырвался и, отскочив в сторону, кричит*). Знаю! Все знаю! Ты

своей старухе каждый день изменяешь! По скверам шатаешься! А мадам Ройда плачет...

Зюс (облегченно). А-а-а... Ну, да. Верно. Это ты... угадал, Тибор. *(Перевел дыхание.)* Только ты, мальчуган, не говори никому об этом. А особенно мадам Ройда. Хорошо?

Тибор. Иди отсюда, тогда не скажу.

Зюс нахмурился.

Тибор. Иди домой. Вот прямо отсюда — и домой. И мадам Ройда не будет плакать... И я никому ничего не расскажу.

Пауза. За сценой — заводской гудок.

Зюс. Домой нельзя мне сейчас, Тибор, понимаешь! Я ведь сюда на работу пришел. На завод. *(Взглянул на часы.)* Мое время — на смену... *(Встал.)*

Тибор (умильно). Послушай, Зюс. А ты не мог бы меня взять с собой на завод, а? Возьми, а? Возьми...

Зюс. Нельзя, мальчик. Военный завод. Видишь, день и ночь караулы. Строго...

Тибор (живо). Послушай, это караулят, чтобы я туда не пошел, да?

Зюс. Вероятно... *(Уходит.)*

Тибор. Ну, и чорт с вами. Караульте. Я все равно туда попаду. Раз я сказал... *(Шарит по траве.)* У-у-у, хромонога! Сидел, сидел — пока не стемнело. Воздух ему нужен. Куда же это я положил? *(Ищет в кустах, в траве.)* Вот, есть! *(Достает ранее брошенный сверток, бежит к скамейке. Остановился.)* А почему он так хотел, чтобы я ушел отсюда? Он... Он очень старался... У-у, дурак! *(Хлопает себя по*

лбу.) Наверно, девка его должна притти, и он не хотел, чтобы я видел...

Где-то за сквериком зажегся фонарь. Луч света упал на дорожку.

Ох, свет зажгли... *(Подхватывая сверток.)* Все из-за тебя, хромой чорт, из-за тебя задерживаюсь...

Торопливо бежит к скамейке, взобрался, отвернулся, возится у ветвей дерева. Пауза. Тибор прыгает со скамейки, любит свое дело. На ветке болтается курица. К ее лапам прикреплен большой лист бумаги, на котором написано:

„Предпочитаю повеситься, чем нести яйца для фашистских захватчиков.“

Тибор, восхищенно хлопая себя по животу, делает какое-то немыслимое антраша и убегает. Пауза. Некоторое время сцена пуста. Затем с противоположной стороны в скверике появляется Зюс. Его лицо встревожено, он осторожными, быстрыми шагами проходит на середину, оглядывается.

Зюс *(облегченно вздыхая)*. Наконец-то убрался проклятый мальчишка! *(Смотрит на часы.)* Шандору хотя еще рано. Не может еще... А все ли там благополучно? *(Прошелся. Сел на скамейку. Головой задел за бумагу. Вскрикивая.)* Что это? *(Увидел бумагу, читает, рассмеялся.)* Ах, Тибор! Вот дьяволенок, а? То-то он меня так выкуривал! Ха-ха... Глупыш... Этим думает пристыдить их! *(Серьезно.)* Нет, мальчик! Этим не проймешь! *(Срывает плакат и курицу.)* Это — шутка. А нам шутить теперь нельзя. *(Забрасывает курицу в кусты.)* Не будем шутить!

За сценой шум, возгласы: „Хальт! Хальт!“.

З ю с. Шандор!.. (Сунул руку в карман, прижался к дереву, напряженно ждет.)

Шум приближается. Через сцену пулей пролетает Т и б о р, на ходу показывая кому-то язык. Исчез. Пьяно мотаясь, вбегает преследующий Тибора немецкий солдат, он на бегу подносит ко рту свисток — сейчас засвистит, сейчас взбудоражит всю охрану. З ю с, словно нечаянно, подставляет солдату ногу, — тот кубарем летит на землю.
Пауза.

Солдат (приподнимаясь, изумленно). „Верист да?“ Почему я на земле?

З ю с. Случайность, господин солдат. Разрешите, я вам помогу.

За ремень поднимает солдата и, не снимая руки с ремня, отряхивает пыль с его мундира. Солдат спяна, в свою очередь, начинает чистить пиджак Зюса.

З ю с (смеясь). Не стоит труда, господин солдат. Вы нас уже так очистили — ни пылинки не осталось.

Солдат. О-о, грубый венгерский свинья! Все вы — мадьяр свинья! (Стараясь вырваться.) Это был ваш мальшик? Сын? Ну, говоришь быстро!

З ю с. Все они наши сыновья...

Солдат. „Ганц гут!“ Мы тогда вас будем немножко учить вежливость... „Хэнд ауф!“.

З ю с. Вежливость — это первое дело, господин солдат. (Подымает руки, оглядывается). Без вежливости — просто жить невозможно...

Из всей силы бьет солдата в ухо. Тот зашатался, схватился за револьвер. З ю с хватает его за горло, бьет, — р-раз, еще и еще, приговаривая: „Я... хромой! В военном деле... ничего не понимаю. Но я — за вежливость, Я — за вежливость!“.

Отдай, дура! *(Вырывает из рук солдата револьвер, глушит его им и, вытащив из кармана платок, затыкает рот упавшему.)* Ф-фу-у! А здоров!.. *(Вытирает рукавом лицо, подымает шляпу.)* И на кой чорт я связался с ним? *(С досадой.)* Дурак ты, Зюс, старый дурак... *(Взглянул на часы, ахнул.)* Шандор! Время прошло, а его нет. Сорвалось? Не может быть! Не может этого быть. Все рассчитано... *(Нервничая.)* Что с дураком этим делать? *(Тормошит солдата.)* Эй, барабан, вставай! Я пошутил, слышишь, вставай!

Солдат не шевелится. Зюс быстро хватается за него, уголакивает в кусты.

Пауза.

Слева появляется Тибор.

Тибор *(тяжело дышит)*. Не догнал, собачья морда! И не догонишь! *(Грозит кулаком.)* Скорей у того ноги отвалятся, кто Тибора догонит. Ха! *(Садится на скамейку.)* А что я еще вам завтра устрою, немчики!..

Из-за дерева появилась рука, крепко ухватила Тибора за ухо.

Тибор. Ай! Кто это? *(Увидел фигуру в солдатском мундире, испуганно.)* Господин солдат, господин солдат...

Зюс *(появляясь из-за дерева)*. Ну-ка, скажи, что задумал завтра устроить?

Тибор. Зюс?.. Зюс — это ты? Зюс, почему ты в солдатской форме?

Зюс *(не отвечая, обнял Тибора, отводит в тень)*. Вот что, Тибор, я тебе потом все расскажу. А сейчас... Ты верный малый, а? Ну, ну, вижу, что верный. Так вот, сынок, не завтра,

а сегодня надо устроить. Сейчас. Понял? Беги, Тибор, в табачную лавку, на углу здесь, — увидишь Шандора... Ты его знаешь, да?

Т и б о р. Матэ Шандор? С Цветной?

З ю с. Да. Ты ему тихонько шепни: Зюс сказал — пора. Пора, понимаешь? Он знает... Скажи — я здесь, жду его. Я в солдатском мундире — отведу, как арестованного... *(Поднял мальчика, поцеловал.)* Беги, маленький, — быстро...

Т и б о р *(взволнованно)*. Не беспокойся, Зюс. Я — большой, я — понимаю! Все будет сделано... *(Убегает.)*

З ю с вынул папиросу, но опомнился, скомкал, сунул обратно в карман. Волнуясь, шагает, часто поглядывая на часы. Слева появляется женская фигура. Идет быстро. Увидела Зюса — остановилась, попятилась назад...

З ю с *(свозь зубы)*. О, чорт! Сюрприз за сюрпризом... *(Пауза. Зюс делает неверный шаг в сторону женщины и пьяненьким голосом:)* Как раз кстати, красотка! Не надо пятиться: некуда. Ха-ха-ха. Не-ку-да! Мы можем совсем не плохо провести с тобой время здесь, на скамеечке, а?!

Ж е н щ и н а, отступая, наткнулась на скамейку, — села. Не говорит ни слова. Зюс решительно шагнул, сел рядом. В ту же минуту женщина раскрыла объятия, и, странно запрокинувшись, Зюс потонул в них... Пауза. Женщина молча обнимает Зюса, все ближе и ближе пригибаясь к его лицу.

Ж е н щ и н а *(вдруг)*. Зюс — ты? Зюс! Это я — Шандор! *(Сбрасывает платок.)* Почему ты мне ничего не сказал? Почему ты в таком виде?

Ш а н д о р изо всех сил трясет, тормозит Зюса.

Зюс (*приходя в себя*). Ну и лапы у тебя, Шандор! Приласкала, красотка... Тибора видел?

Шандор. Видел. Только не стал с ним говорить. Времени не было. Ведь чуть было не сорвалось, понимаешь. Я еле выскочил из завода! Стоп! погоди, Зюс... (*Прислушался. Отдаленный гудок.*) Где у тебя часы? Давай! Скорей давай...

Оба жадно смотрят на циферблат.

Шандор. Сейчас, сейчас...

Напряженная пауза... Где-то в отдалении раздался взрыв.

Зюс (*вскакивая на скамейку, кричит*). Слушай, венгры! Вставай, порабощенный народ!

Сильный взрыв.

Слушай, страна Советская! Мы не молчим!

Сильнейший взрыв.

Мы помогаем тебе, Красная Армия! Слышишь?

Взрыв.

Слышишь?

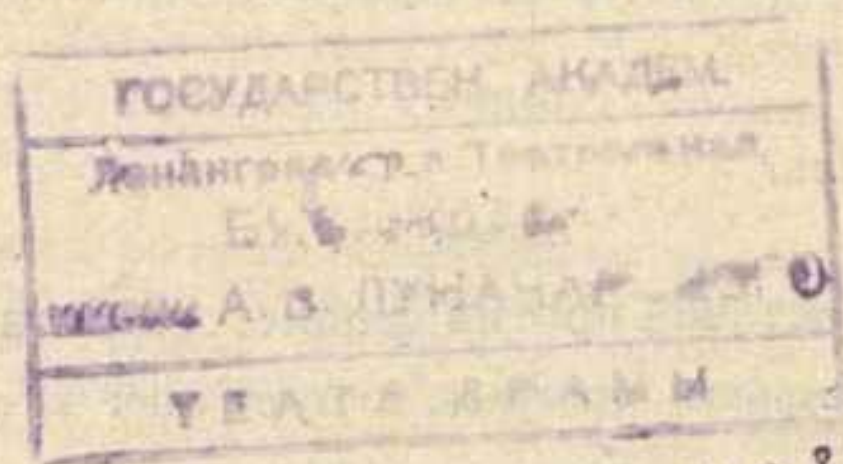
Взрыв.

Народ! Вставай против фашистов! Вставай!..
Сильнейшие взрывы, чередуясь, следуют один за другим.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Пролог	3
<i>В. Каверин</i>	
Внимание! Говорит Морель.	4
<i>В. Беляев и М. Розенберг</i>	
У старой няни	11
<i>Ефим Фельдман</i>	
Вставай, народ!	25

10848